

АСПЕКТЫ: УЧАСТИЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И МОБИЛИЗАЦИЯ

О.А. МИРЯСОВА

ПОТЕНЦИАЛ, РЕПЕРТУАР И ФАКТОРЫ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ*

Летом 2014 г. показатель общественного протестного потенциала достиг низшей отметки в текущем столетии: согласно данным ВЦИОМ, в июне лишь 17% опрошенных считали возможными массовые акции протеста в своем населенном пункте (таким же низким этот показатель был только в 2001–2002 гг.). Ровно столько же были готовы лично участвовать в акциях протеста. [Протестный потенциал, 2014] Снижение протестного потенциала зафиксировал и Левада-Центр, который замеряет готовность участвовать в акциях протеста с политическими требованиями. Этот показатель оказался еще ниже – 9% [Протестная активность..., 2014].

Это снижение произошло одновременно с ростом индексов «положения дел в стране» и «социального самочувствия», замеры которых также регулярно производит ВЦИОМ и другие социологические службы. Скорее всего, восприятие ситуации в стране в контексте присоединения Крыма, противостояния на юго-востоке Украины и соответствующая пропагандистская кампания сказались на низкой оценке вероятности протестов даже в большей степени, чем «уход в прошлое» митингов оппозиции 2011–2012 гг. На

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия».

фоне украинских событий любая стабильность кажется благом, а социально-экономические проблемы уходят на второй план.

Протестные выступления 2011–2012 гг. привели не только к росту политической активности оппозиционно настроенных граждан, но и к мобилизации «сверху» лояльных, которые активность оппозиции стали воспринимать как угрозу – «процветанию страны» и своему благополучию. Вскоре после начала протестных выступлений власть озаботилась активизацией своих сторонников и бросила на этот фронт немало ресурсов. В июне 2014 г. каждый третий житель России считал, что борьба с «пятой колонной» вполне оправдана [Треть России, 2014].

Опросы Левада-Центра показывают, что к важным событиям года протесты декабря 2011 г. отнесли только 15% населения страны. Несмотря на то что на протяжении 2011–2012 гг. митинги «за честные выборы» поддерживали от 30 до 44% граждан, они практически не повлияли на оценку эффективности протестной деятельности и никак не изменили представления людей о возможности влияния на принятие решений. В 2010–2013 гг. только 13–15% российских граждан считали, что «могут влиять на принятие государственных решений в стране», и 9–16% заявляли, что свои проблемы стоит решать при помощи митингов, шествий и забастовок [Общественное мнение... 2014. с. 47–49].

При этом интерес к политической жизни страны в российском обществе нельзя считать катастрофически низким. Согласно данным ВЦИОМ, в 2011–2012 гг. проявляли интерес к политике 37–39% граждан России, а в 2013 г. их число даже возросло – до 45%. Левада-Центр фиксирует понижающийся тренд, но это различие может быть обусловлено наличием или отсутствием значимых политических событий накануне опроса, временем года (летом снижается интенсивность просмотра ТВ) и другими причинами. Самой распространенной формой политического участия граждан остается голосование на выборах федерального уровня. В то же время 47% граждан считают, что реальной оппозиции в российском парламенте нет (данные по состоянию на март 2013 г.), и только 4–7% полагают, что их проблемы могут быть решены путем участия в деятельности партий и политических движений [Общественное мнение... 2014. с. 49, 102].

Опрос, проведенный ОСПИ ИС РАН в июне-июле 2014 г., позволяет описать содержание политической активности в россий-

ском обществе, в значительной степени расколотом украинским конфликтом¹.

На основании полученных данных мы не можем судить о политической активности в масштабах всего российского общества. Но значительное число «политизированных» граждан среди опрошенных позволяет исследовать репертуар коллективных действий и факторы участия как политически активных групп, так и тех, кто ограничивает свое участие выборами. Среди опрошенных оказалось 64% «интересующихся политикой» (17% дали ответ «очень интересуюсь» и 46% – «в некоторой степени»), 10% участников политических объединений, 18% участников акций протеста с политическими требованиями.

Две трети (70%) опрошенных заявили, что у них есть политические взгляды, и смогли их определить. Самыми многочисленными группами оказались сторонники демократического социализма (26%), гуманизма (22%), социализма (14%) и коммунизма (13%). Левые либералы, правые либералы и либералы «без уклона» в общей сложности составили 8% опрошенных. Кроме того, в выборку попали 8% анархистов, 7 – консерваторов, 7 – экологов и 5% заявили, что им близки политические взгляды В. Путина.

«Empowerment»

Значимым фактором, влияющим на политическое поведение, оказалось чувство «уполномоченности» – так можно перевести термин «empowerment», широко распространенный в англоязычной литературе. «Empowerment» можно рассматривать как процесс или практику («обретения власти»), так и как состояние, возникшее в результате этого процесса, – в этом смысле мы и используем слово «уполномоченность». В нашем понимании оно означает уже сформировавшуюся установку «я имею право и право отстаивать это право», т.е. ощущение уполномоченности на вмешательство в события и одновременно с ним веру в возможность успешного результата.

¹ В рамках обследования было опрошено городское население РФ – 1350 граждан, проживающих в 37 городах и поселках городского типа. Отбор респондентов осуществлялся методом стихийной выборки с соблюдением квот по типу населенного пункта, полу и возрасту респондентов.

Ряд социологов считают наличие этого чувства необходимым условием для мобилизации. А. Бикбов концентрирует внимание на практиках представительства и «самоуполномочивания», получивших распространение в ходе протестов 2011–2012 гг. Он подчеркивает значимость предыдущего опыта «самостоятельной организации собственной жизни» для вовлечения в протест; обращает внимание на установку на самоуправление, самопрезентацию и немедленную и деятельную реализацию собственных идей; неприятие значительной частью участников движения традиционной модели лидерства [Бикбов, 2012, с. 189–218].

В рамках опроса ОСПИ ИС РАН респондентам задавался вопрос о возможностях и потребностях влияния на решения в разных сферах жизни общества (табл. 1). В зависимости от ответов на этот вопрос были выделены три группы опрошенных: претендующие на влияние на принятие решений («уполномоченные»), отчасти претендующие и совсем не претендующие («отчужденные»). Первая группа – это те, кто на все предложенные варианты отвечает либо «могу влиять», либо «хочу влиять» (25%), вторая – ответы разбросаны от «могу влиять» до «не мое дело» (59%), третья – на все пункты вопроса отвечают «не мое дело» или «затрудняюсь ответить» (16%).

Таблица 1

**На какого рода решения Вы можете или хотели бы влиять
или же считаете, что это не Ваше дело, Вас не касается?
(% от числа ответивших)**

	Могу влиять	Хочу влиять	Не мое дело	Затрудняюсь ответить	Всего
Политика в области здравоохранения	5	65	22	9	100
Пенсионная политика	4	59	27	10	100
Политика в сфере образования	5	59	26	10	100
Распределение бюджета города или области	5	53	31	11	100
Культурная политика	7	52	29	12	100
Экономическая политика	4	46	35	15	100
Внешняя политика страны	3	37	43	18	100

Судя по оценкам респондентов, возможности их влияния невелики во всех сферах общественной жизни («могу влиять» –

3–7%). Но более половины респондентов претендуют на влияние в большинстве областей – кроме экономической и внешней политики. Внешняя политика наибольшему числу опрошенных (43%) кажется темой, в которую они не должны или не могут вмешиваться.

Если посмотреть на социально-демографический состав групп с разной степенью уполномоченности, то оказывается, что «уполномоченные» чаще живут в городах-миллионниках и Москве, «отчужденные» – в средних и малых городах. Среди первых больше мужчин, они моложе остальных и чаще имеют высшее образование. Тех, кто имеет идентичность «рабочие и работники физического труда», а также «крестьяне», больше в группе «отчужденных», а тех, кто тяготеет к «интеллигенции», больше в группе «уполномоченных».

«Уполномоченные» заметно чаще считают, что моральную ответственность за положение дел в стране несет «весь народ» (35% к 24 среди остальных). Но на первом месте все же во всех группах находится власть: ее считают ответственной 58% среди «уполномоченных» и 64% среди остальных. Далее мы будем сравнивать «полярные» первую и третью группы.

Как и следовало ожидать, «уполномоченные» намного активнее принимают участие в митингах с политическими требованиями и участвуют в деятельности политических объединений. Они чаще считают, что в России возможны массовые выступления (74% к 38 среди «отчужденных») и сами готовы принять в них участие (62% к 31 соответственно).

Представления о возможных причинах этих протестов также различаются. «Уполномоченные» считают более вероятными причинами коррупцию (46%), некомпетентность власти (45%), экономическую катастрофу (35%) и активность оппозиции (34%). «Отчужденные» – влияние из-за рубежа (42%), коррупцию (35%), экономическую катастрофу (31%) и межэтнические конфликты (29%). «Отчужденные» большее значение придают такой причине, как «угроза суверенитету России» (23% к 17 среди «уполномоченных»), а среди «уполномоченных» выделяется «моральное неприятие ситуации» (28% к 14 среди «отчужденных»). То есть не претендующие на влияние на российскую политику в большей степени доверяют власти и считают, что массовые протесты могут быть вызваны прежде всего некими «внешними силами», зарубежными агентами влияния. Но и они (каждый третий) подозревают власти в коррупции,

которая может довести население до уличных выступлений, а также признают (тоже почти каждый третий) наличие в стране экономических проблем и межнациональной напряженности.

В два раза больше «уполномоченных», чем «отчужденных», участвовали в работе благотворительных фондов или делали в них пожертвования. Они больше интересуются политикой и лучше разбираются в ней, активнее используют Интернет, газеты, друзей и коллег как источник информации. Таким образом, желание оказывать влияние на принятие решений тесно связано с включенностью в политическую активность.

«Уполномоченные» более демократичны: они чаще выступают за учет большинством мнения меньшинства и референдумы, меньше склонны передавать право принятия решений в руки профессионалов и политиков. Они чаще других считают, что демократическое правление – это возможность для граждан «самостоятельно, без посредников принимать решения», – так считает каждый пятый (среди «отчужденных» – 7%). Но все же в наибольшей мере, как и все остальные, они поддерживают идею представительной демократии: 48% «уполномоченных» и 44% остальных.

Большинство «уполномоченных» (74%) положительно относятся к существованию оппозиции в стране (среди «отчужденных» таких 41%), они чаще готовы голосовать за оппозиционные партии на выборах. Но несмотря на «оппозиционный крен», группа «уполномоченных» неоднородна. Почти треть из них (29%) готова поддержать власть на митингах «в случае необходимости», 38% допускают для себя возможность проголосовать на выборах за «Единую Россию».

«Уполномоченные» существенно чаще включены в большинство форм политической активности, чем остальные. Но в наблюдениях за ходом выборов «отчужденные» участвуют почти также активно как «уполномоченные» (15% к 19). Таким образом, в группе «наблюдателей» есть те, кто воспринимает этот процесс как влияние на ситуацию в стране, и те, кто был мобилизован «сверху», – например, партиями через административный ресурс или вознаграждение. Та же картина наблюдается по поводу работы в выборных муниципальных советах (8% к 6) (диаграмма 1).

Среди «уполномоченных» больше всего распространены такие формы участия, как подписание обращений, ношение или вывешивание символики, участие в интернет-группах, – но эти формы

всегда имеют широкое распространение в силу их малозатратности. Репертуар коллективных действий «отчужденных» существенно уже, но все же 40% из них включены как минимум в одну из форм политического участия.

Диаграмма 1.

Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последнего года что-либо из нижеследующего? (Ответ «да», % от числа ответивших)

Ответы «отчужденных» на вопрос: «Что может побудить вас к участию в массовых политических акциях?» — отчасти проливают свет на причины потенциальной политической активности этой группы. Они называют заметно меньше причин, чем остальные, но чаще всего они готовы активизироваться из-за экономических проблем, нарушения своих прав и свобод и ради своего будущего. Отличаются они от «уполномоченных» тем, что для них большее значение имеет такая мотивация, как вознаграждение. Для группы «уполномоченных» более значимы политические взгляды и стремление заявить свою позицию, а также забота о будущем страны.

Таким образом, желание влиять на принятие решений безусловно связано с высокой степенью политической активности гражданина, но в то же время достаточно многочисленна группа тех, кто, не претендуя на влияние на политические процессы, готов к мобилизации для защиты своих прав и интересов, решения личных проблем.

Типы политического поведения

Анализ репертуара коллективных действий при помощи факторного анализа позволяет выделить три типа политического поведения.

● *Политическое действие*

- Были организатором политических протестных акций.
- Жертвовали на нужды политических организаций.
- Профессионально помогали политическим организациям (как юрист, журналист и пр.).

● Создавали политический контент для Интернета.

● Участвовали в публичных политических дебатах.

● *Неинституционализированное политическое участие*

- Носили или вывешивали политическую символику.
- Обращались с просьбами или предложениями к конкретному политику или в органы власти.

● Подписывали петиции, интернет-обращения.

- Участвовали в гражданских или политических интернет-группах.

● *Институционализированное политическое участие*

- Был наблюдателем на выборах.
- Отказывались от покупки зарубежных товаров или услуг, чтобы выразить свой политический протест.

● Работали в выборных муниципальных советах.

- Обращались с просьбами или предложениями к конкретному политику или в органы власти.

Включенность в один тип политического поведения не исключает включенности в другой. Так, среди участников акций протеста с политическими требованиями 61% демонстрируют неинституционализированное политическое участие, 48 – политическое действие и 41% – институционализированное политическое участие. Это не удивительно, так как митингуют, как правило, наиболее активные, использующие широкий репертуар коллективных действий.

Участники политических объединений (которых в выборке оказалось 10%) также в наибольшей степени включены в неинституционализированное политическое участие (63%), но политическое действие занимает в их репертуаре более заметное место по сравнению с «митингующими» (57%). С одной стороны, в политические объединения приходят наиболее мотивированные на участие в политике граждане, они в большей степени готовы на высокотратное политическое действие. В России, как мы видим, мало распространена такая форма участия, как членство в политической организации с выплатой членских взносов, но без активной включенности в деятельность организации. С другой стороны, именно аккумуляция личных и привлеченных ресурсов в процессе участия в объединении позволяет гражданам реализовывать различные формы политического действия.

Заметная разница обнаружилась между сторонниками политических объединений разного типа. Среди опрошенных оказалось 30% доверяющих такому типу политического объединения, как «политическая партия», 13 – «политическое движение», 9% – «неформальная группа политических активистов».

Симпатизирующие политическим партиям больше включены в институционализированное участие (31%) и меньше – в неинституционализированное участие (25%) и политическое действие (15%).

Для сторонников политических движений важнее всего неинституционализированное участие (47%), а действие и институционализированное участие отстают от него на 14–15%.

Те, кто поддерживает неформальные группы, намного сильнее остальных включены в неинституционализированное участие (69%) и политическое действие (43%), институционализированное участие находится у них примерно на том же уровне, что и у остальных (32%).

Таким образом, «неформалы» заметно активнее остальных в такой затратной форме политического поведения, как действие, не говоря уже о более рутинном участии. «Партийцы» довольно пассивны и в наибольшей степени включены в устоявшиеся и формализованные формы политического поведения.

Членство в общественных организациях – профсоюзах, объединениях предпринимателей, творческих организациях, организациях ветеранов (за исключением студенческих союзов) – приводит к росту включенности в институционализированное политическое

участие и политическое действие, но почти не влияет на неинституционализированное политическое участие.

Тип участия зависит от возраста, пола и семейного положения: мужчины, молодые люди (до 30 лет), лица, еще не создавшие семью или состоящие в гражданском браке, чаще прибегают к неинституционализированному политическому участию и политическому действию и реже – к институционализированному политическому участию. Среди практикующих политическое действие больше людей с уровнем социального доверия выше среднего. По целому ряду параметров видно, что группа, практикующая институционализированное политическое участие, более лояльна власти. В частности, те, кто входит в ее состав, значительно чаще допускают для себя возможность проголосовать за «Единую Россию» (52% к 33 в остальных группах).

Примечательные результаты дает анализ групп, состоящих из признавших себя «политически активными» и не признавших. Первых среди опрошенных оказалось 19%, вторых – 72, и 9% затруднились ответить. Казалось бы, индивиды, активно вовлеченные в разные политические практики, должны однозначно воспринимать себя как политически активных людей. Но даже среди тех граждан, которые прибегали к пяти и более политическим практикам на протяжении последнего года, только 61% признают себя политически активными. А среди тех, кто был включен в 3–4 практики, еще меньше «политически активных» – только треть. Возможно, на желании отнести себя к политически активным сказываются негативные коннотации слова «политика», возможно, респонденты считают, что «активность» предполагает систематическую деятельность в политической сфере, а они сами участвуют эпизодически.

Политические действия

Какие действия рассматриваются респондентами как политические? Чаще всего считают себя политически активными те, кто организывает политические акции (68%), а также создает контент для Интернета (58%) и помогает политическим организациям финансово (56%). В наименьшей степени относят себя к активным работающие на выборах и включенные в такие малозатратные формы, как подписание петиций и потребительские бойкоты (31–34%) (диа-

грамма 2). Чтобы еще раз удостовериться в этом, мы отобрали группу тех респондентов, кто выступает в роли наблюдателя на выборах и / или работает в муниципальных советах, но больше ничего не делает. И действительно, среди них политически активными признали себя еще меньше – 14%. Таким образом, значительная часть наблюдателей и членов выборных советов воспринимают свою деятельность как административную работу или гражданскую активность, но не относят ее к сфере политического.

Диаграмма 2.

Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последнего года что-либо из нижеследующего?

Считаете ли Вы себя политически активным человеком?¹
(% от числа ответивших)

¹ Группа «затруднившихся ответить» на вопрос о своей принадлежности к «политически активным» опущена.

Как и следовало ожидать, чаще политически активными называют себя жители Москвы и городов-миллионников (26–27%), мужчины (26%), лица, получившие высшее образование (23%), и состоящие в гражданском браке (27%). Эти социально-демографические особенности соответствуют активным группам, выделенным по другим показателям – участникам акций протеста, «уполномоченным», склонным к политическому действию. Политически активные чаще состоят в политических объединениях (70%) и доверяют неформальным политическим группам (43%). Они активнее участвуют в акциях протеста (56%) и чаще готовы попробовать стать муниципальным депутатом (42%). Интересно появление крена активных в «гражданский брак» с учетом того, что молодежь в этой группе не преобладает. В выборке в целом группа состоящих в «гражданском браке» не так велика: 16–17% в возрасте до 45 лет и 5–9% в старших возрастных группах, но значительная часть из них политически активна. В предыдущих исследованиях предпочтения среди активистов этой формы отношений отмечено не было.

Среди политически активных каждый третий (35%) готов «при необходимости» поддержать власть на митингах и демонстрациях, почти половина – не готовы (47%). То есть утверждения о том, что акции в поддержку власти собирают исключительно пассивных граждан, а основным способом мобилизации является принуждение или вознаграждение, все-таки не состоятельны. В каких случаях может наступить эта «необходимость», каково содержание акта поддержки власти, какая мотивация за ним стоит – все это требует дополнительных исследований.

Попробуем сравнить формы политического участия граждан, готовых и не готовых поддержать власть на митингах. Если рассматривать эти две группы в целом, то мы увидим, что они мало отличаются. Готовые поддержать власть немного больше вовлечены в выборные процедуры, активнее пишут обращения и бойкотируют товары. Те, кто митинги в поддержку власти проигнорирует, чуть более активны в Интернете. Но если ввести еще один дополнительный параметр – уже состоявшуюся вовлеченность в митинги, – то мы увидим существенную разницу (табл. 2). Это означает, что политическое поведение определяется одновременно двумя факторами – уличной активностью индивида (т.е. уже состоявшейся включенностью в политическую жизнь) и его отношением к власти.

Таблица 2

Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последнего года что-либо из нижеследующего? Вы лично при необходимости готовы или не готовы поддержать власть на митингах и демонстрациях? Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие? (% от числа ответивших)¹

Практикуемая форма политического участия	Готов поддержать власть			Не готов поддержать власть		
	группа в целом	участник митингов с политическими требованиями	не участник митингов	группа в целом	участник митингов с политическими требованиями	не участник митингов
1	2	3	4	5	6	7
Подписывали петиции, интернет-обращения	30	51	22	30	75	21
Обращались с просьбами или предложениями к конкретному политику или в органы власти	26	38	20	21	44	15
Были наблюдателями на выборах	23	45	15	14	27	11
Носили или вывешивали политическую символику	21	40	15	20	60	10
Отказывались от покупки зарубежных товаров или услуг, чтобы выразить свой политический протест	19	30	18	12	19	9
Участвовали в гражданских или политических интернет-группах	15	31	12	18	62	8
Участвовали в публичных политических дебатах	12	33	8	9	28	4

¹ Группа «затруднившихся ответить» на вопрос о готовности поддержать власть опущена.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Работали в выборных муниципальных советах	12	16	11	5	8	3
Жертвовали на нужды политических организаций	10	21	7	12	42	4
Профессионально помогали политическим организациям (как юрист, журналист и пр.)	10	25	6	11	33	6
Были организатором политических протестных акций	7	24	2	7	33	1
Создавали политический контент для Интернета	7	23	5	13	44	5

Митингующие, не готовые поддержать власть, активнее «готовых» включены в разные формы политического участия: в подписание петиций (75%), интернет-дискуссии (62%) и вывешивание политической символики (60%). Кроме того, они чаще создают политический контент, обращаются к политикам, жертвуют деньги, помогают профессионально и организуют политические акции. Готовые поддержать власть больше практикуют институционализированные формы: наблюдение на выборах и участие в работе выборных органов, потребительские бойкоты. При этом самая пассивная группа – это те, кто и сейчас не ходит на митинги, и не готов выйти на них в поддержку власти.

Данные предыдущих исследований ОСПИ ИС РАН показывают, что политическое поведение в значительной степени определяется наличием у индивида предыдущего опыта участия в уличной активности [Гражданское и политическое, 2013, с. 173–180]. Поэтому мы выделили четыре группы граждан по критерию их отношения к акциям протеста. Первые две группы – это уже состоявшиеся участники протестов и потенциальные участники: 18% опрошенных уже принимают участие в митингах на политические темы, 23% – не принимают, но допускают такую возможность в случае массовых выступлений (назовем их «потенциально протестующими»). Почти каждый четвертый (23%) среди опрошенных не считает массовые протесты возможными. Больше всего (29%) – группа тех, кто допускает возможность протестов, но сам не участвует в них и не собирается.

Факторы уличной активности

Что же выводит на улицы активных и может вывести пассивных граждан?

В рамках опроса респондентам задавалось два типа вопросов: о причинах личного участия и о возможных причинах протестов в целом. В первом случае предлагалось ответить всем: даже если гражданин не планирует участвовать в акциях протеста, он может предположить, что может вывести его на улицу. Различия в мотивации по группам оказались весьма существенными (табл. 3).

Таблица 3

**Что может побудить Вас к участию
в массовых политических акциях? (% от числа ответивших)**

	Принимает участие в политических митингах	Не принимает, но допускает такую возможность	Не считает возможными массовые выступления	Не принимает участия и не планирует
Нарушение моих прав и свобод	62	57	42	39
Забота о будущем страны	57	51	32	40
Забота о своем будущем	53	49	40	40
Стремление заявить свою позицию	44	22	13	13
Политические взгляды	43	14	10	7
Желание поддержать «своих»	42	24	21	19
Экономические трудности (потеря работы, рост цен, снижение личных доходов)	28	34	35	35
Отчаяние, чувство безысходности	28	37	39	38
Патриотические чувства	27	28	20	25
Агитация активистов	23	9	8	5
Участие известных людей	9	3	5	4
Призыв политической партии	6	1	2	2
Деньги	5	12	15	9
Призыв власти	3	3	5	6

Те, кто уже участвует в акциях, трактуют свою деятельность прежде всего как восстановление нарушенных прав и свобод, а также подчеркивают ее ориентацию на будущее и стремление реализовать свои политические взгляды. Солидарность с товарищами тоже оказывается очень значимым фактором – ее в качестве мотива отмечают 42% ответивших. Потенциальные протестующие также в наибольшей степени мотивированы отстаиванием своих прав и свобод и заботой о будущем. Но 4-е и 5-е места в их мотивации занимают «отчаяние» и «экономические проблемы». То есть на данный момент «в резерве» мобилизации находится группа граждан, слабо политически ангажированных, но готовых присоединиться к протестам при появлении чувства относительной депривации. Самые пассивные граждане могут присоединиться к протестам по тем же причинам, что и потенциально протестующие.

Отметим, что патриотические чувства имеют примерно одинаковое значение (20–28%) вне зависимости от включенности в протесты и отношения к их возможности. Денежное вознаграждение за участие – заметно более значимый фактор мобилизации для пассивных и потенциально протестующих. Агитация активистов имеет значение в основном для тех, кто уже протестует, а такие факторы, как «призыв власти», «призыв партии», «участие известных людей», оказались малозначимыми для всех категорий.

Факторный анализ побудительных мотивов участия в массовых политических акциях показывает, что существуют четыре возможные стратегии мобилизации: 1) гражданская (апелляция к обеспокоенности граждан своим будущим и будущим своей страны, патриотическим чувствам); 2) депривационная (к эмоциям «отчаяния, безысходности», экономическим проблемам, необходимости защиты прав); 3) политическая (агитация со стороны политической партии или активистов, предложение возможности заявить свою позицию и политические взгляды); 4) «сверху» (через призыв со стороны власти, вознаграждение или участие известных людей). Сравнивая эти стратегии с актуальностью мотивов для респондентов, мы можем сделать вывод, что ныне протестующие мобилизованы чаще всего в рамках гражданской и отчасти депривационной и политической стратегий, а пассивные могут быть активизированы прежде всего через депривационную.

Представление респондента о том, что может вывести на улицы «массы», зависит и от его включенности в политические протесты.

Претензии к власти – некомпетентность и коррумпированность – оказались в первой пятерке для всех категорий опрошенных: от 29 до 45% респондентов считают виновником возможных массовых протестов саму власть (табл. 4). Примерно одинаковое значение придается во всех группах «экономической катастрофе» и «недовольству олигархами» как причинам протестов. Но по остальным вариантам есть большие или меньшие расхождения.

Вовлеченные в протесты больше значения придают активности оппозиции и моральному неприятию ситуации. Они еще в большей степени, чем остальные, винят в протестах власть: не только чаще упоминают ее коррумпированность и некомпетентность, но и обвиняют в нечестном поведении в ходе участия в выборах.

Таблица 4

**Если такого рода события (массовые выступления граждан)
в России возможны, то что к ним может привести?
(% от числа ответивших)**

	Принимает участие в политических митингах	Не принимает, но допускает такую возможность	Не принимает участия и не планирует
Некомпетентность власти	45	37	29
Коррупция	44	39	39
Активность оппозиции	41	32	23
Воля народа	38	36	18
Экономическая катастрофа	34	31	28
Нечестные выборы	33	26	20
Межэтнические конфликты	31	43	33
Моральное неприятие ситуации	29	22	15
Недовольство олигархами	29	27	26
Влияние из-за рубежа	24	31	45
Чрезвычайные обстоятельства	17	24	23
Слабость власти	16	22	22
Угроза суверенитету России	12	19	21
Неожиданная смена власти	10	12	19

Пассивные, но допускающие для себя возможность участия в протестах, наибольшее значение придают межэтническим конфликтам, чрезвычайным обстоятельствам, а также делают акцент на деятельности «внешних агентов» – влиянии из-за рубежа. Те же, кто не участвует в акциях и не планирует, ставят «влияние из-за рубежа» на первое место среди причин протестов. Не удивительно, что они не готовы протестовать, – почти каждый второй в этой группе не верит в субъектность протестующих.

Если обратить внимание на социально-демографические характеристики пассивных и протестующих, то среди последних оказывается больше мужчин и лиц, живущих в гражданском браке. Как и следовало ожидать, вовлеченные в акции протеста заметно чаще считают, что благополучие человека зависит не столько от него самого, сколько от того, насколько справедливо устроено общество (53% к 39 в среднем), а уровень социального доверия в этой группе выше среднего (42% к 31).

Социальная идентичность и поддержка партий

Социальная идентичность также влияет на участие в протестах: идентичность с интеллигенцией повышает вероятность участия в митингах и других акциях, идентичность с работниками физического труда, «белыми воротничками» и предпринимателями – снижает. Идентичность с руководителями или крестьянами не является дифференцирующим фактором, возможно, из-за небольшого количества респондентов этих категорий в выборке (диаграмма 3).

Что видят люди с разной идентичностью в качестве основных причин возможных массовых протестов в России? Интеллигенция и служащие чаще считают, что к массовым протестам может привести деятельность оппозиции, т.е. они в большей степени считают оппозицию актором современной политики в России. Предприниматели, напротив, склонны больше значения придавать влиянию из-за рубежа. В то же время интеллигенцию сближает с предпринимателями опасения межэтнических конфликтов. Рабочие, напротив, придают им меньшее значение.

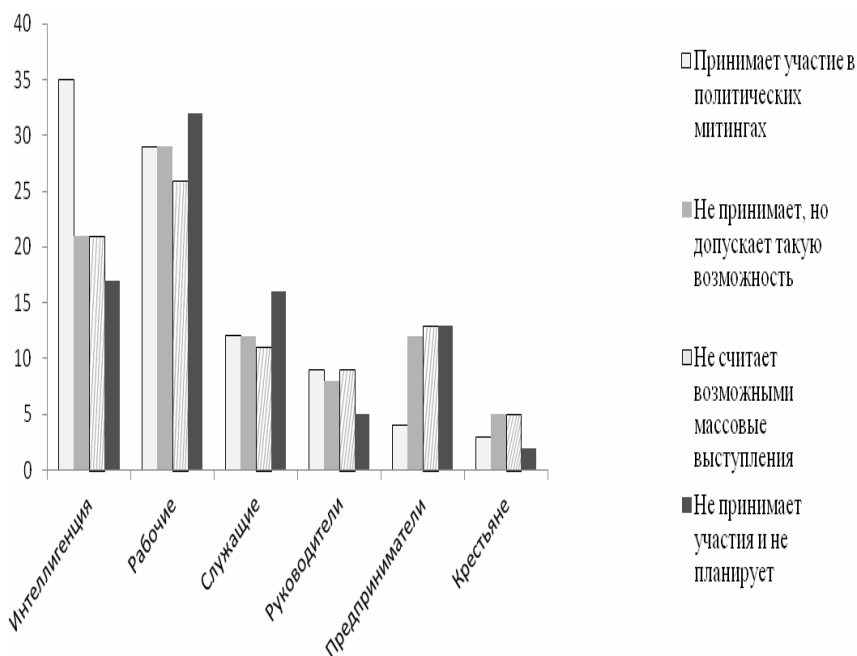

Диаграмма 3.

По Вашему мнению, интересы какой социальной категории из нижеперечисленных Вам наиболее близки, с кем у Вас наиболее схожие взгляды, проблемы, потребности? (% ответивших)

Что касается электорального поведения участников акций протеста, то митингующие чаще всего допускают возможность проголосовать на выборах за КПРФ (36%). На втором месте оказались «Яблоко» и «Единая Россия» – т.е. не так мало (28%) участников акций протеста поддерживают партию власти. Наибольшее неприятие среди них вызывает партия ЛДПР (табл. 5).

Далеко не все респонденты готовы выразить симпатии хотя бы к каким-то партиям. 7% опрошенных допускают возможность проголосовать за все партии из предложенного списка, 9 – не готовы голосовать ни за кого и еще 9% всегда затрудняются с ответом. Таким образом, тот или иной выбор (даже при такой мало обязывающей формулировке, как «допускаю возможность») делают только три четверти опрошенных.

Таблица 5

Вы в принципе допускаете или исключаете для себя возможность проголосовать за следующие партии? Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие?
(% от числа опрошенных)

	Митингующие			Не митингующие		
	допускаю	исключаю	затрудняюсь ответить	допускаю	исключаю	затрудняюсь ответить
КПРФ	36	55	9	34	45	21
«Единая Россия»	28	64	8	55	30	16
«Яблоко»	28	57	15	14	57	29
«Справедливая Россия»	27	62	11	29	43	28
«Гражданская платформа»	23	61	16	13	50	37
РПР-ПАРНАС	21	67	12	5	60	35
ЛДПР	20	74	7	24	54	22
Российская партия пенсионеров за справедливость	16	69	16	20	48	32
«Партия прогресса»	15	67	18	6	59	35
«Патриоты России»	15	72	13	14	54	32
«Правое дело»	14	74	12	10	57	33
«Родина»	14	73	14	12	55	33

Российские граждане не слишком последовательны в своих электоральных симпатиях. Скорее всего, для многих принципиальную роль играет известность партии, а не ее идеологическая ориентация. Например, среди допускающих возможность проголосовать за «Гражданскую платформу» (либеральную и оппозиционную партию) больше всего тех, кто также может проголосовать за «Единую Россию» (51%) и КПРФ (44%), – т.е. за прямых оппонентов М. Прохорова. А другие правые партии в этой группе поддерживает всего лишь треть опрошенных.

В то же время факторный анализ по вопросу «Вы в принципе допускаете или исключаете для себя возможность проголосовать за следующие партии?» (без указания числа факторов) делит партий-

ный список на две группы: либеральные партии («Гражданская платформа», «Партия прогресса», «Правое дело», «РПР-ПАРНАС» и «Яблоко») и консервативные («ЕР», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Родина», «Российская партия пенсионеров за справедливость»). Если же задать число факторов, равное трем, то партии делятся на следующие группы: левопатриотический пул (КПРФ, «Патриоты России», «Родина», «Справедливая Россия», «Российская партия пенсионеров за справедливость»), либеральный (в том же составе) и властный («Единая Россия», ЛДПР). То есть определенная часть опрошенных все же хорошо ориентируется в партийном многообразии и выбирает партии осознанно – иначе факторный анализ не дал бы результатов.

Группа убежденных сторонников либералов – тех, кто допускает голосование за все пять либеральных партий, представленных в списке, – невелика (4%). А вот поддержку как минимум одной партии из этого списка допускает почти каждый третий (30%).

Если сравнить готовность к голосованию за партии митингующих и не митингующих, то оказывается, что участники акций протеста намного более уверены в своих политических предпочтениях, – этого и следовало ожидать. Митингующие заметно чаще отвергают партии, а затрудняются ответить – реже (табл. 5). Среди них заметно больше поддержка «Яблока», «Гражданской платформы», «РПР-ПАРНАС» и «Партии прогресса». Не митингующие в большей степени поддерживают «Единую Россию». Сторонники КПРФ и «Российской партии пенсионеров за справедливость» представлены примерно одинаково в обеих группах.

Нужно отметить скептическое отношение респондентов левых взглядов к зарегистрированным для участия в выборах партиям. КПРФ, не говоря уже о партии «пенсионеров», ассоциируется не столько с левой идеологией, сколько с ностальгией по временам СССР и «партией пожилых», консерватизмом и патриотизмом. Это подтверждается затруднениями левых при осуществлении выбора: 21% коммунистов и 19% социалистов либо исключили возможность проголосовать за все партии из предложенного списка, либо затруднились ответить. Анархисты еще чаще не готовы голосовать ни за кого (52%), но это вполне логично вытекает из их идеологии, гуманисты не делают выбор в 15% случаев, демократические социалисты и консерваторы – в 9–11%.

Чтобы рассмотреть особенности политического поведения групп с разным отношением к выборам, мы выделили среди опрошенных три категории: «голосующие всегда на выборах федерального уровня», «голосующие время от времени на всех типах выборов» и абсентеисты. «Голосующих всегда» оказалось заметно больше в малых городах с населением до 250 тыс. (47% к 34–38 в остальных населенных пунктах), а также среди них намного больше граждан старших возрастных категорий (56% лиц старше 60 лет оказались в этой категории).

Для тех, кто постоянно участвует в выборах, важнее, чем для остальных, наличие политического выбора: 65% положительно относятся к существованию оппозиции в стране, что на 10–13% больше, чем в других группах. В то же время большинство (60%) в группе «голосующих всегда» склоняется к тому, что «сегодня более полезным для России является единство различных политических сил» (альтернативой «единства» была выставлена «конкуренция»). В этом проявляется непоследовательность российского избирателя: с одной стороны, трудно представить себе выборы «без выбора», с другой – политическая борьба, по всей видимости, ассоциируется с нежелательными конфликтами, угрозами для стабильности и безопасности общества. Но все же если среди активных избирателей выделить группу тех, кто уверенно выступает за наличие оппозиции, то, как и следовало ожидать, в ней оказывается заметно меньше сторонников «Единой России» (36% к 63 среди «всегда голосующих» в целом). Кроме того, активные избиратели-оппозиционеры меньше поддерживают «Справедливую Россию» (на 11%) и в той же мере как остальные – КПРФ, ЛДПР, «Патриоты России» и «партию пенсионеров». То есть «старая» парламентская оппозиция ими как оппозиция не рассматривается. А вот правые партии («Гражданская платформа», «Яблоко», «Партия прогресса», «Правое дело», «РПР-ПАРНАС») имеют уверенную группу поддержки, состоящую из граждан, понимающих, зачем они идут на выборы. Среди активных избирателей-оппозиционеров заметно больше молодых людей (до 30 лет) (на 8%) и мужчин (на 16%).

В группе «голосующих всегда» больше всего тех, кто интересуется политикой (73%), но среди абсентеистов интересующихся тоже довольно много (52%). То есть граждане, игнорирующие выборы, есть двух типов: политически индифферентные и бойкотирующие выборы по политическим убеждениям. В том числе, в

группе абсентеистов больше сторонников прямой демократии (24% к 8–13 в остальных группах) и потенциальных участников массовых протестов (30% к 17–23 в остальных). Но численность этой группы невелика, что не позволяет нам сделать более подробный анализ.

Выводы

Таким образом, нами были обнаружены следующие дифференцирующие основания политического поведения в современной России. Среди социально-демографических характеристик наиболее значимыми оказываются образование и размер населенного пункта, в котором проживает респондент, но также имеют значение пол и возраст опрошенных. Обследование 2014 г. показало, что политически активные чаще практикуют такую форму семейных отношений, как гражданский брак. Обладание чувством «уполномоченности» связано с высоким интересом к политике, активной включенностью в политическую и протестную деятельность, большей демократичностью и поддержкой оппозиции. Политически активным свойствен более высокий уровень социального доверия. Идентичность с интеллигенцией означает склонность к «уполномоченности», участию в протестах и симпатии к оппозиции: интеллигенция в большей степени считает оппозицию самостоятельным актором современной политики в России, чем все остальные.

Анализ электорального поведения и включенности респондентов в другие политические практики показывает, что могут быть выделены следующие типы политического поведения. Сектор неформальной политической активности объединяет граждан, скептически настроенных по отношению к выборам, симпатизирующих неформальным политическим инициативам и прямой демократии, готовых протестовать и верящих в возможность массовых протестов. Сектор поддержки либеральной оппозиции в рамках электоральных процедур состоит преимущественно из сторонников «Яблока» и правых партий, недавно получивших доступ к выборам. Они активно участвуют и в выборах, и в протестных мероприятиях, и в других формах политической активности (особенно – в подписании петиций, политических дебатах и пожертвованиях на нужды политических организаций).

Сектор «лояльных» состоит из группы активной поддержки власти и тех, кто ограничивается регулярным участием в выборах. Вопреки ожиданиям, в этом секторе немало активных людей, включенных в протесты. Этому сектору в наибольшей степени свойственны те формы активности, которые можно отнести к институционализированному политическому участию (наблюдение на выборах, работа в муниципальных советах, потребительские бойкоты). Сектор поддержки «старой» парламентской оппозиции мало отличается от сектора «лояльных»: в нем много пожилых людей (за счет сторонников КПРФ), которые активно голосуют, но слабо включены в другие формы активности. Как показывает анализ побудительных мотивов участия в массовых политических акциях, мобилизация пассивных может быть построена на двух стратегиях: 1) гражданской (обеспокоенность своим будущим и будущим своей страны, патриотические чувства) и 2) депривационной (эмоция «отчаяния, безысходности», экономические проблемы, необходимость защиты прав). Если первая играет важную роль среди тех, кто уже участвует в протестах или допускает такую возможность, то вторая наиболее актуальна для самых пассивных российских граждан.

Список литературы

- Бикбов А. Представительство и самоуполномочение (по материалам исследования НИИ митингов, декабрь 2011 – июнь 2012) // Логос. – М., 2002. – № 4. – С. 189–229. Общественное мнение – 2013: Ежегодник. – М.: Левада-Центр, 2014. – Вып. 15. – 252 с.
- Протестная активность россиян и отношение к «пятой колонне»: Пресс-выпуск Аналитического центра Юрия Левады. – 2014. – 11 июля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/11-07-2014/protestnaya-aktivnost-rossiyan-i-otnoshenie-k-pyatoi-kolonne> (Дата посещения: 28.08.2014.)
- Протестный потенциал / База данных ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/protest-mood/> (Дата посещения: 30.08.2014.)
- Третью России – за борьбу с «пятой колонной»: Пресс-выпуск Аналитического центра Юрия Левады. – 2014. – 14 июля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/14-07-2014/tret-rossii-za-borbu-s-pyatoi-kolonnnoi> (Дата посещения: 28.08.2014.)